

К истории немецких колоний Саратовской губернии.

(Из дел Сенатского архива).

Саратовские колонисты Симон Миллер с товарищами во всеподданнейшем прошении представляли в 1794 г. о крайнем своем изнеможении и о не состоянии своем к уплате числящегося на них казенного долга, простирающегося за 5 миллионов руб. и просили «облегчения жеребья их».

Ее Императорское Величество Высочайше указать изволила препроводить это прошение к А. Н. Самойлову, с тем, чтобы по истребовании от директора Саратовской экономии и от тамошней казенной палаты нужных сведений, сделано было бы в правительствующем сенате надлежащее определение к облегчению просителей, по примеру того, «как недавно о подобных колонистах по Екатеринославскому наместничеству таковое положение учинено».

В прошении своем Симон Миллер, староста Екатериненштадта, и его 53 товарища пояснили, что предки их, снабженные при поселении в России от правительства деньгами, домами, скотом и земледельческими орудиями, не сумели воспользоваться всем этим, «по причине незнания языка и земских обстоятельств», а от климата впали в тяжелые болезни, получили лихорадку и водяную болезнь; к этому еще в 1774 г. киргиз-кайсаки разорили несколько селений колонистов, а их самих увезли в неволю. Обстоятельство это де может удостоверить генерал Державин, который с великим неудобством ездил по необитаемым Уральским степям и освободил некоторых несчастных из неволи; часть же увезенных киргизами находятся в полоне в Китае, от них получено теперь письмо через Астрахань.

К прошению прилагалась копия этого письма.

В тяжелых обстоятельствах просители, по их словам, находились с 1764 по 1774 г., а с этого года по 1781 г. не в состоянии были привести свое хозяйство в порядок не смотря на новые ссуды. Совсем обедневшие, они должны были по распоряжению бывшей опекунской канцелярии, рыть вал около г. Саратова, за что получали плату. Те, что по слабости здоровья не могли производить такую работу, кормились милостынею. Потом некоторые пожелали быть переселенными на Моздокскую линию.

С учреждением Саратовского наместничества (1781 г.) просители получили начальника — надворного советника Огарева, который, как пишут они, — «по сие время имеет о нас попечение и которому Ваше Императорское Величество Высочайше повелеть соизволили собрать с нас прибавочный оброк, но без строгости. Каждый работник от 16 до 60 лет платит по 3 р.; мы должны признаться, что с начала и сей подбор нам был в тягость, но «по ревности вышесказанного г. Огарева», получили облегчение. — Он велел им разделить поля свои на равные части и высевать в назначенное время, помогал всячески, исследовал землю и о неудобной к земледелию, содержащей селитру, сделал представление, разрешение которого они с нетерпением ожидают.

При свидетельстве г. Огаревым колонистских селений оказалось 17486 душ муж. п., в числе которых работников 8530, ежегодных платежей несут 25590 р. Колонисты поправились было, но засуха 1794 г. предвещает

худое плодородие, а более всего тяготят колонистов долг и их предков, время выплаты которых приближается *)).

Просители ходатайствовали сложить долги за давно умерших.

«Мы знаем, писали они, что мы, т. е. живущие в Саратовском наместничестве 17486 душ, за наших родителей должны 5199813 р. 23 к.»

Они просили повелеть, чтобы не вдруг взыскали долги прародителей, дабы опять не впасть в прежнее бедственное нам состояние.

Приложенная к прошению копия письма, адресованного «в опекунскую контору и всем нашим милостивцам», содержало в себе просьбу от находящихся уже 8 лет в плену подать руку помощи их детям, так как последние уже приняли магометанскую веру и совсем забыли Иисуса Христа.

В деле № 3812, хранящемся в архиве нашей комиссии, решению сената по прошению Симона Миллера с товарищами предшествуют справки по затронутым в прошении вопросам. Из этих справок мы узнаем кое-что о переведенных на Моздокскую линию колонистах.

Кавказское наместничество доносило сенату в 1794 г., что из 188 душ муж. п. и 167 жен., не обзаведясь на показанной им земле, разошлись по разным губерниям; из них 57 душ муж. и 52 жен. пола оказались вновь в Саратовской губ., на прежних жилищах, причем саратовская казенная палата требовала от кавказского наместнического правления оставления их по прежнему в Саратовской губ.; пререкания между этими учреждениями были решены сенатом; последний разделял мнение саратовской казенной палаты, что возвратившиеся с Кавказа все работники, к водворению на новом месте не нашли выгод, на старом же жительстве имеют обзаведение; если их водворят опять на Кавказе, то они будут иметь нужду и окажутся не в состоянии уплачивать состоящих на них недоимок.

Что касается до разбежавшихся по разным губерниям, то сенат определил: предписать кавказскому наместничеству отыскать их и опросить, в какой губернии они намерены поселиться: в Кавказской или в Саратовской и, «в сходствие их объявления учинить надлежащее исполнение».

Относительно находившихся в плену у киргиз-кайсаков есть такая справка: в 1784 г., по рапорту саратовской казенной палаты о необходимости ассигнования денег на выкуп из плена иностранцев, и на снабжение их одеждою и обувью, правящему должность уфимского и симбирского генерал-губернатора генералу Апухтину было предписано сенатом употреблять на таковой выкуп ту сумму в 2000 р., которая назначена

*) По манифесту 22 июля 1763 г., прибывшие на поселение освобождались от всяких служб, податей и повинностей — селившиеся целыми фамилиями в течение 30 лет на построение же домов, приобретение скота и проч. давалась ссуда без %, но с выплатою через 10 лет, в три года по равным частям. В 1775 г., в рассуждение бывших в тех местах замешательств, поселенцам, коим срок платежей долгов еще не наступил, дана была отсрочка еще на 5 лет. В 1785 г. было предписано генералу Потемкину дать заключение, на основании свидетельства директора экономики, сколько колонисты Саратовской губ., без отягощения, могут уплачивать в год числящегося на них долга.

В рассуждение, что из числа поселенных Саратовских колонистов многие от лени, нерадения и развратной жизни не успели в обзаведении себя порядочным домоустроительством, задолжали казне великими суммами, объявлено было в 1775 г., чтобы они, заплатив долг, выехали из России, а в противном случае должны упражняться по городам в разных, по способностям их, работах и получаемыми за то деньгами возвращать казенный долг или вступили бы в военную службу. В 1782 г. тем, которые поселены на неспособных землях, выданная сумма на постройку домов была прощена. На перевод их на удобнейшие земли дозволено было употребить 1025403 р.

в 1777 г. на предмет выкупа вообще российских подданных из великой Татарии. Но генерал Апухтин запротестовал и объяснил сенату, что не может этого сделать, так как в том же 1777 г. было повеление, чтобы на выкуп колонистов Саратовской губ. употреблялась сумма, имеющаяся в конторе опекунства иностранных. Но дело в том, что упомянутой конторы уже не существовало в это время. И вот 22 мая того же 1784 г. повелено было прибавить к отпускаемым на выкуп из плена еще по 2000 р.

По заслушании прошения Симона Миллера, сенат 7 ноября 1794 г. предписал саратовской казенной палате приступить немедленно к изысканию средств, каким образом удобнее облегчить просителей и о том представить главному в губернии начальнику Нефедьеву, которому особо рекомендовать от сената «не оставить в сем столь важном случае уравнивать пользу казенную с настоящим тех поселенцев положением, и потом с мнением своим представил бы о всем том сенату в непродолжительном времени».

Наступил 1796 г. В Саратове был уже другой губернатор — Ланской, а в сенат ни каких соображений по вопросу облегчения колонистов не поступало. Следовали повторные предписания.

Наступил 1797 г., а с ним и упразднение Саратовской губернии.

У сената не имелось сведений, в ведении какого наместничества состоят теперь просители Симон Миллер с товарищами. За неполучением требовавшихся соображений по их прошению, сенат определил предписать одновременно и Пензенской и Астраханской палатам исполнить указ его 1794 г., если те колонисты состоят в их ведении, и препоручить наблюдению тамошних губернаторов за выполнением предписания, данного Саратовскому губернатору. Сверх того, сенат, имея в виду, что для расчета в людях и доходах и ради разбора дел между Пензенской и Астраханской губерниями назначен срок по 15 мая 1797 г., и, следовательно, Саратовская казенная палата еще существует, положил предписать ей прислать ответ о причине неисполнения указа 1794 г.

Но пока эта переписка происходила, Саратовская губерния вновь была восстановлена, а сверх того, для попечения о колониях Саратовских велено было учредить при сенате экспедицию государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, а в Саратове контору опекунства иностранных.

Сенат 21 июля 1797 г. должен был передать рассмотрение всего дела о лежащем на колонистах долге в означенную экспедицию с длинным названием.

Между тем Саратовская казенная палата, как видно, еще в декабре 1794 г. донесла сенату, что она учинила определение, каким образом удобнее облегчить колонистов в отягощающем их долге и представила о сем Саратовскому губернатору.

Имея в виду это донесение Саратовской казенной палаты, сенат, за передачу всего дела в экспедицию сельского хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, 22 марта 1798 г. дал знать губернатору Ланскому, чтобы он не представлял определения, учиненного казенной палатой в сенат, а направил его в упомянутую экспедицию,

Какое определение в конце концов сделала эта экспедиция — сведений в делах сенатского архива, переданных в нашу Комиссию, нет.

Но, по-видимому, именно по этому прошению состоялся 21 апреля 1798 г. именной указ Павла I, опубликованный в Пол. Собрании законов (№ 18490) такого содержания:

«Состоящий на поселившихся в губерниях... Саратовской... колонистах казенный долг за сделанные им при заселении их ссуды, Всемилостивейше соизволяем обратить на восстановление собственного их состояния. А по сему возлагаем сбор их на попечение экспедиции

государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, повелеваем: чтобы она, приняв в распоряжение свое полученные в прошедшем году и впредь поступающие деньги сии, из общей массы их по усмотрению своему делала надлежащее употребление: ссудою потребного количества неимущим из поселенцев для полезных по домоводству оборотов, вспоможением в случающихся им несчастиях... а тем самым... всемерно бы содействовала к обзаведению и устройению колоний прочнейшим и хозяйственным образом».

В том же деле, из которого мы сейчас сделали извлечение, находим сведения о злоупотреблениях колонистов по рубке леса на постройки в Вятском наместничестве.

В 1793 г. камышинские колонисты в прошении, поданном в сенат, заявляли, что по недостатку леса для строений в Саратовском наместничестве, приходилось до сих пор доставать его из Вятского наместничества, но ныне последнее в отпуске леса отказало. На отношение Саратовской казенной палаты, последовавшее, по прежнему примеру, согласно прошению их, колонистов, о снабжении их лесом из вятских казенных лесов, Вятское наместническое правление уведомило, что последовало запрещение рубки в казенных лесах. А между тем, на место явились уже доверенные от колонистов для рубки и возки.

Доверенные Адольф Гримм из Лесного Карамыша и Яков Шукман из Сплавнухи указывали в своем прошении на то, что запрещение рубки, конечно, касается леса, необходимого на корабельное строение, им же «надобен токмо 5 или 6 вершковой», а потому просили сенат предписать «Вятскому наместническому правлению снабдить их потребным количеством бревен».

Вследствие запроса сената, Вятское наместническое правление донесло, что при производстве в 1791 и 1792 гг. по требованию Саратовской казенной палаты рубки леса колонистами, обнаружена излишняя рубка в количестве более 50,000 деревьев, каковое и конфисковано для продажи с аукциона; что Адольфу Гримму было объявлено, что его доверители могут нужное им число бревен купить из конфискованного леса; что отказ в порубке сделан потому, что при прежних порубках происходили злоупотребления, а именно «некоторые порубленным лесам делали переторжку, а другие, подрядив поселян (вятичей) коронного ведомства вырубить леса гораздо превосходнее против дозволения количество, с условием заплатить за рубку оною деньги, по поставке оною теми подрядившимися к ним на место, сами с тем количеством, которое позволено вырубить, оттоль сплывали», не уплатив договорной цены, между тем подрядившиеся за самовольную рубку подвергались ответственности, и тем разорялись»...

Сенат предписал, чтобы камышинский нижний земский суд донес, сколько потребно колонистам леса.

Оказалось, что нужда колонистов в лесе выражается в громадном количестве 600,000 деревьев.

Саратовская казенная палата донесла, что в Камышинской округе, в нагорной и луговой стороне Волги, имеется 55 колоний и в них 3356 семей с 10614 муж. п. душ; домов, от казны построенных, 3192, конюшен 3106, амбаров 3074, сараев 1147 и еще 10 церквей; кроме того, построенных самими колонистами, 14 церквей, 268 домов, 1482 конюшни, 120 амбаров и 377 сараев.

Сенат благосклонно отнесся к просьбе колонистов и принял во внимание их нужду, но нашел, что вырубка сразу 600 тыс. деревьев не в выгодах казны. Что касается указанных Вятским наместническим

правлением злоупотреблений, то сенат нашел, что пресечение злоупотреблений лежит, по должности, на обязанности земского начальства.

В результате последовало распоряжение отпустить колонистам 5-6-ти вершковый лес, по установленной цене, но не сразу 600 тыс. деревьев, а по частям дозволить рубить, сделав расчет, по сколько одновременно отпускать, по сношению с Саратовским наместническим правлением.

Но в 1796 г. генерал-прокурор граф А. Н. Самойлов прислал в сенат копию Высочайшего указа, данного генерал-прокурору сенатору С. И. Маврину, коим повелено ему, в отвращение истребления в Вятской губ. казенных лесов, дозволенный сенатом отпуск 600 тыс. деревьев приостановить доколе Саратовское наместническое правление не доставит подробных сведений о нужде в лесе колонистов.

Саратовское наместническое правление в июне того же года донесло, что посланные во все колонии заседатели — дворянский Костокрызов и сельский Шваб установили, что на 1795 г. потребно леса в 28 колоний на горной стороне Волги 126,655 деревьев, о чем де и было сообщено вятскому правлению, но казенные вятские комиссионеры объявили, что колонистам предоставляется 85 тыс. вырубленных уже деревьев купить за установленную плату, а именно: за каждое еловое дерево 5—7 верш. в отрубе и длиной 3—4 саж. 25 коп., толщиной 7—8 верш. и длиной 5—6 саж. 35 коп., за сосновое 4—5 верш. в отрубе, длиной 3—4 саж. от 10 до 15 коп.

Сенат, в виду приостановки его прежнего распоряжения, отнесся теперь к делу построже. Он нашел, что сведения о количестве потребного для колонистов леса саратовское правление доставило общие, основанные на показаниях колонистов, и в сентябре 1796 г., приняв во внимание, что указанные 126,655 деревьев еще не доставлены в Саратовскую губ., предписал произвести на месте подробное расследование, сколько на каждое строение в каждой колонии нужно леса.

Но 12 декабря 1796 г. последовало упразднение Саратовской губ. и исполнение указа сената естественно замедлилось. Пошла переписка с Пензенским и Астраханским правлениями.

Из переписки этой видно, что до упразднения Саратовской губ. из Саратова было послано распоряжение земскому исправнику, совместно с избранным от колонистов сельским заседателем и с уездным стряпчим, установить на месте, в каждой колонии, по сущей справедливости, сколько действительно необходимо в 28 колониях нагорной стороны леса на постройку новых домов и на починку старых, равно амбаров, сараев и заборов, сколько нужно порознь на это строевого лесу, какой длины, толщины и меры. Одновременно поручалось дознать, сколько потребно леса на тот же предмет в прочих 27 луговых колониях.

С восстановлением Саратовской губ. и основанием в 1797 г. конторы опекунства иностранных, дело о необходимом количестве леса для колонистов перешло в эту контору.

Но в 1798 г. император Павел I в указе сенату 11 марта разрешил саратовским колонистам «вырубить и вывезти 533,218 дерев из казенных вятских лесов, располагая по ровному числу на четыре года, с прежним в казну платежом по 5 коп. за дерево».

Отвод места для вырубки повелено назначить по рассмотрении командированного члена из Казанской адмиралтейской конторы, а на попечение конторы опекунства иностранных было возложено наблюдение за недопущением злоупотреблений при сплаве бревен и доставлении их в разные колонии.

В именном указе 30 июня 1797 г. изображено:

«Для ближайшего и успешнейшего попечения и присмотра над всеми колониями иностранных, в Саратовской губернии ныне находящихся и впредь поселяемых, повелеваем быть в Саратове конторе опекунства иностранных с равным преимуществом против прочих коллежских контор, и состоя в ведомстве учрежденной при сенате нашем экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, поступать по данной ей от нас инструкции». (Дело Сенатского архива, № 1386).

Штат этой конторы, как видно из дела за № 1387, составляли: Главный судья, с жалованьем в 1875 р., два его товарища с назначением им по 600 р., секретарь, переводчик и бухгалтер, которые должны были получать по 400 р., землемер с содержанием в 350 р. На разъезды по колониям было назначено 500 р. На содержание архивариуса и прочих чинов и слугителей и на расходы по содержанию конторы 2625 р. Всего 7750 р.

Открыта была контора эта 31 июля 1797 г., причем первым главным судьей был действительный статский советник Еремеев.

Есть дело № 34, касающееся колоний Ягодная Поляна и Побочная, об отводе им земли.

Жители этих колоний жаловались в контору Опекунства иностранных на саратовскую казенную палату, что она отняла у них отведенную им в бывшее опекунское межевание в 10-летнее владение отхожую пустошь в урочищах речек Чардыма и Сокура до Комиссарской дачи, в количестве 188 дес. удобной земли.

По этой жалобе выведено было на справку следующее: от 19 февраля 1790 г. генерал-губернатор предписал, чтобы все уголья, следующие в отвод колонистам на 10 лет, не поступившие в оброк, оставить во владении тех колоний, а которые поступили в оброк, отдавать, по прошествии сроков, им же по прежней цене, без переторжки, но в 1797 г. именным указом 5 июня повелено, из розданных в Саратовской губ. в течение последних десяти лет до 1788 г. казенных земель, те, которые уже владельцам отданы и отмежеваны, оставить в их владении, а прочие отобрать в казенное ведомство и раздачу оных остановить; в инструкции же саратовской межевой конторе по генеральному межеванию сказано, что контора эта должна наблюдать, чтобы «не токмо нынешние земли к колониям принадлежащие охранены были от всяких незаконных притязаний, но чтобы на каждую душу по последней переписи отмежевано было по 20 дес., дополняя недостаток из пустопорожных казенных земель, для тех колоний способнейших.

Между тем казенная палата, введя принадлежащую колонии Ягодная Поляна дачу, прилегающую к самому почти селению, с 1795 г. отдала в переобработку по контракту гвардии капитану-поручику Всеволожскому в 4-х-летнее содержание, причем на этой земле вопреки контракта оказались построенные мельница и избы, тогда как кроме землянок и шалашей для землепашцев на оброчных землях воспрещено селиться, под опасением взятия в казну всего того заведения; затем, из дачи, принадлежавшей Ягодной Поляне и Побочной, в 1788 г. отмежевано капитану артиллерии Амбразанцеву 2905 дес. удобной и 15 дес. неудобной земли, а колонистам назначено на прибылые фамилии 1730 дес. совсем в другом месте.

По описанию 1794 г., по числу бывших тогда в сказанных колониях 487 душ потребно земли 9740 дес., к каковому количеству им не достает теперь 4978 дес.

Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства составила всеподданнейший доклад о назначении колониям Ягодной Поляне и Побочной земли, назначенной в дачу кап. Амбразанцезу, так как она ему отмежевана в 1788 г., а не ранее; такие же земли, согласно указа 3 июня 1797 г., следует к отрезу в казну; основательность такой отмежевки к колониям означенной земли подкреплялась тем, что земля эта прилегает к самой почти усадьбе кол. Ягодная Поляна, а в учреждении об удельных имениях, в ст. 192, повелено: «чтобы более 4 верст ни которое крестьянина поле от усадьбы его отдалено не было».

Затем к сказанным колониям положено было отдать по р. Сокурке 1000 дес., которые тоже лишь в 1788 г. отмежеваны надворному советнику Щербинину.

Далее, и дачу, отданную по контракту г. Всеволожскому в аренду на 4 года, повелено отдать им же, так как в контракте с Всеволожским есть оговорка, что, если помянутая земля или часть оной будет потребна, по силе Высочайших рескриптов, для удовольствования крестьян и во владение помещикам, то ему, Всеволожскому, от содержания оной отступить беспрекословно.

Доклад этот, подписанный князем Алексеем Куракиным, Александром Храповицким, Петром Торбеевым, Захаром Хитровым, Карлом Габлицем и Михаилом Татариновым, и Высочайше подтвержденный 2 декабря 1797 г., был передан, при записке А. Храповицкого и П. Торбеева, в общее собрание правительствующего сената для надлежащего предписания государственному казначею, саратовскому губернскому правлению и казенной палате. Что касается саратовской конторы опекунства иностранных, то ей уже предписано было непосредственно от экспедиции.

Н. Ф. Хованский.